

Вечер хотя и состоялся, но...

В дни весенних школьных каникул в репертуарных планах Тульского театра юного зрителя, расклеванных по городу, среди знакомых названий появилось нечто новое: «Вечер одноактных пьес». К подобному вечеру нельзя было отнестись без интереса: юные гуляки давно не видели одноактных вещей на профессиональной сцене.

Отправляясь в театр, мы наивно полагали, что увидим целостную программу, если и не связанную композиционно, то во всяком случае веселую, остроумно поставленную и хорошо сыгранную. Но нам пришлось горько разочароваться.

Что же представляла собой эта программа, предназначенная для детей старшего возраста? Им были показаны шутка в одном действии «Юбилей» А. П. Чехова, сцена из комедии А. Н. Островского «Волки и овцы» и сцена из спектакля «Саду двести!..» Н. Винникова. Словом, зрители не увидели ожидаемых одноактных вещей, не считая чеховского «Юбилея». Если к этому добавить, что вся программа занимала лишь час с небольшим, а остальное время — до и после представления — юные зрители были предоставлены самим себе и танцевали под радиолу, то станет ясно, что мы присутствовали скорее на вечере танцев, чем на разafiшированном театром «вечере одноактных пьес».

«Художественная часть» этого вечера не оправдала наших ожиданий и по своему художественному уровню.

Постановщик «Юбилея» и сцены из комедии «Волки и овцы» главный режиссер театра И. С. Самохвалов позволил себе недопустимое своеволие с текстами драматургических произведений. В «Юбилее» им, по непонятным причинам, совершенно опущен финал, и ребята были немало удивлены неожиданным концом шутки. А с Островским режиссер обошелся более жестоко. Сцены Лыньева и Глафиры из третьего и четвертого действия были перемонтированы и объединены в одну, хотя время и место действия не позволяли это делать. Нет нужды доказывать, что у зрителей из-за этого сложилось неправильное представление о характере персонажей, не говоря уже о том, что театр нарушил сюжетную канву произведения великого драматурга.

Нам думается, что не к лицу театру юного зрителя, призванного воспитывать школьников на лучших образцах русской и советской драматургии, по своему вкусу «подправлять» классиков.

Нельзя сказать и того, что режиссер поступил антипедагогично, включив в программу «вечера» именно сцены Лыньева и Глафиры: вырванные из пьесы они приобрели нездоровый, вульгарный оттенок. Не удивительно, что пикировка этих героев у одной части зрителей вызвала растерянность, у другой — смущение.

Как эти сцены, так и чеховская шутка, в режиссерском и актерском отношении оставалось желать много лучшего.

И. С. Самохвалов, стремясь во что бы то ни стало посмеяться зрителей, отступил от принципов реализма и превратил «Юбилей» в примитивное и отнюдь не смешное представление. Грубые трюки — падение со стула, ползание по полу под столом и т. д., навязанные режиссером исполнителям, не позволили даже способным артистам В. А. Неете-ровой (Мерчуткина) и Б. Д. Антонову (Хирин) создать полноценные художественные образы. Исключением, пожалуй, является артист В. Е. Белов, который в роли Шипучина показал искусство перевоплощения и создания четко очерченного характера, хотя и ему порой недостает яркой сценической выразительности. Образ же Татьяны Алексеевны, жены Шипучина, артисткой В. А. Лысцовцевой не был раскрыт с достаточной убедительностью.

Что касается сцен из комедии «Волки и овцы», то поставлены они невыразительно и скудно, а Лыньев и Глафира лишены каких бы то ни было социальных черт. Они получились настолько неопределенными и аморфными, что порой даже трудно понять, где же собственно происходит дело — в России или во Франции. Образ Лыньева, созданный артистом Г. А. Гольтвегером, выглядит фальшивым и расплывчатым. В нем нет абсолютно ничего, что хоть сколько-нибудь напоминало нам богатого русского барина. В изображении характера Глафиры артистка Е. И. Пчелкина пользуется давно сданными в архив дешевыми штампами «демонических героинь», хотя в отдельных эпизодах ей и нельзя отказать в искренно-

сти. Короче говоря, образы этих действующих лиц остались плоскими, незавершенными.

На более низком уровне, чем это мы видели ранее, прошла сцена и из спектакля «Саду двести!..», поставленного режиссером П. Н. Дюмоном. И произошло это, на наш взгляд, потому, что новая исполнительница роли Нины — артистка Т. М. Адамова плохо чувствует партнера, недостаточно убедительно раскрывает переживания своей героини.

Постановка неполноценной в идейно-художественном отношении пьесы «По горячему следу» М. Либера, несерьезный, чтобы не сказать больше, подход к сценическому воплощению рецензируемых нами произведений русской классики дают право говорить, что коллектив театра ослабил свою борьбу за полноценный репертуар и высокое мастерство, а художественное руководство, которое, как это явственно обнаружилось в самое последнее время, преследует скорее коммерческие, чем воспитательные цели. А это для театра юного зрителя самое страшное!

К. ПЕТРОВСКИЙ.